

УДК 821.161.1

М. В. Кошелева

*Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина
Екатеринбург*

Идиллическое начало в прозе В. С. Яновского

В прозе В. С. Яновского жанр идиллии не является основным, но тем не менее в его эмигрантской литературе, часто натуралистических сюжетах, физиологических, грубых, показывающих низменные стороны жизни людей, можно заметить черты идиллии, связанные с воспоминаниями писателя о детстве, о друзьях, о литературном братстве. Именно эта сторона его прозы раскрыта в работе. Последовательно анализируются произведения Яновского: повесть «Колесо», романы «Портативное бессмертие» и «По ту сторону времени», относящиеся к разным этапам творчества писателя.

Ключевые слова: Яновский, эмиграция, младоэмигранты, проза, идиллия, «Колесо», «Портативное бессмертие», «По ту сторону времени».

Василий Семенович Яновский – писатель, принадлежащий младшему поколению первой русской эмиграции. С самого детства жизнь начала испытывать его на прочность. Едва достигнув десятилетнего возраста, он лишается матери, а через несколько лет вместе с отцом и сестрами вынужденно покидает родину, нелегально перейдя границу Польши. С восемнадцати лет начинает писать прозу и не отказывается от своего увлечения даже после того, как переезжает в Париж, поступает на медицинский факультет Сорбонны, его заканчивает и получает степень доктора медицины. В Париже Яновский сближается с русскими эмигрантами, вступает в «Союз молодых поэтов и писателей», активно участвует в литературных собраниях «Зеленой лампы», в литературном объединении «Круг», становится постоянным автором альманаха «Числа», сотрудничает с крупнейшей газетой русского зарубежья «Последние новости», а к концу 1930-х гг. уже ведет критический отдел в журнале «Иллюстрированная Россия», печатается в «Русских записках» и «Современных записках».

Первые публикации Яновского вызвали диаметрально противоположные отклики литературной критики русского зарубежья. Так, например, Вл. Ходасевич, М. Осоргин, Н. Оцуп отмечали несомненную одаренность молодого автора, психологизм его прозы. Ф. Степун высоко оценил метод письма Яновского и даже сравнил его с М. Прустом. В отличие от них П. Пильский не воспринимал демон-

Кошелева Мария Викторовна – аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (ул. Ленина, 51, Екатеринбург, 620014, Россия; drakon1@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2015. № 3
© М. В. Кошелева, 2015

стративный физиологизм и метафизические изыски, которые казались ему стилизованной недоработкой и даже творческой неудачей молодого автора.

Безусловно, проза Яновского отличается намеренным антиэстетизмом, подчеркнутым натурализмом и физиологизмом. Но если читать Яновского внимательно и последовательно, то нельзя не заметить, что в этом нагнетании натуралистического абсурда постоянно мерцает мысль об идеале. И это проявляется уже в первой его повести «Колесо».

В произведении описаны жизнь и быт людей пореволюционного времени. Мир первых лет советской власти показан глазами мальчика Сашки, который уже лишился родителей, а на первых страницах повести теряет и последнего родного человека – сестру Надю, умирающую от тифа.

Одиноким, оставленным всеми, никому не нужный в этом новом мире ребенок сталкивается с непосильными для него тяготами жизни: изнурительным голодом, холодом, неустроенностью, всеобщей безысходностью. Сюжет повести просто переполнен откровенно жестокими сценами, будь то описание смерти сестры Нади, случайное убийство молодым крестьянином Григорием своей матери ради продажи коровы, торговля собственным телом ради куска хлеба. В «Колесе» Яновский показывает озлобленный, одичалый мир, который теряет свою целостность, отражает разобщенность и хаос, поглотившие все общество, раздавленное колесом революции.

Но внутри повести, вернее внутри этой ужасающей действительности, как ни удивительно, можно обнаружить мир иной – мир идиллический, который отражен в воспоминаниях героев, их мечтах о любви, а также в небольшом фрагменте реальности, когда Сашка ненадолго попадает в дом Нила Фомича. Конечно, это не идиллия в полном смысле слова. Идиллия как полноценный жанр у Яновского отсутствует, но черты, присущие этому жанру и этой форме мышления, в его прозе есть.

Первыми проблесками идиллического в повести «Колесо» стали воспоминания Сашки о детстве: «И Сашка вспоминает то время, когда в доме всегда было светло и можно было вынуть из шкапа что-нибудь поесть, а потом залезть в постель, жевать, да читать вкусную книжку про храбрых и прекрасных людей. Читать и думать, смог ли бы он, Саша, быть тоже таким отважным, – и замирать от восторга» [Яновский, 1930, с. 15]. Воспоминания о еще совсем недавнем счастливом прошлом, когда у Сашки была настоящая семья, заботливый отец, любящая мать, сестра, вкусная еда, за которую не надо было драться, только подчеркивают разруху и одиночество, царящие в современной вздыбленной России.

Пробивается потерянный идиллический мир и в желании Сашки найти кого-то, кто бы поддержал его, разделил с ним все беды:

«Думает Сашка о том, как трудно его полюбить, такого оборванного, такого голодного; чувствует, как далек от него этот образ светлой девушки, и как долго ему еще нужно ждать.

Я спрошу ее, – думает Саша, – где ты была, когда я мучился, когда я воровал? Почему ты не пришла ко мне тогда? Почему не дала хоть только поглядеть на себя? Ах, мне так тяжело было!..» [Там же, с. 56].

В страшном мире пореволюционной реальности по-настоящему идиллическими становятся простые человеческие желания – иметь рядом человека, разделяющего страдания, любить, заботиться о ком-то. Эти желания, мечты становятся неуместными и даже смешными и жалкими в новом коммунистическом обществе. Характерно и симптоматично для идиллии, что этот мечтаемый «кто-то» обретает образ «светлой девушки», идеальной и недостижимой возлюбленной.

Однако в повести Яновского идиллический мир, обладающий всеми внешними признаками такового, меняет свое сущностное наполнение. И в мыслях Сашки прекрасной становится не столько любовь, сколько смерть. «Вместе бы умереть! –

молится Саша. – Умереть бы вместе... Девочка моя... – и устало взбирается на лестницу» [Яновский, 1930, с. 56].

По отношению к идиллическому вектору в повести раскрывается вся античеловечность, разрушительность, аморальность действительности, разложение под влиянием денег и власти всех прежних человеческих отношений. Происходит крах идиллического – патриархального – идеального – нормального, на смену которому приходит корыстный, разобщенный мир абстрактных идей и героев, совершенно чужеродных идиллическому прошлому. У маленького героя Яновского есть два пути – погибнуть или перевоспитаться, подстроиться, стать таким же эгоистичным хищником, убивающим ради денег и еды.

Яновский же дает Сашке возможность после стольких бедствий, скитаний, одиночества избежать на время этого выбора. Так, герой попадает в мир земледельчески-трудовой идиллии, где повествование фокусируется на труде объединяющем, а не разобщающем. «Круто изменилась на время жизнь Сашки. Была тяжелая работа, но был приятный отдых, и была еда. Хоть Нил Фомич говорил, что живут они впроголодь (что и было верно), но Сашке эта жизнь, после беспросветного города, показалась раем» [Там же, с. 129].

Нил Фомич и его сын Федя, у которых поселился Сашка, становятся для него настоящей семьей, где о нем заботятся, не отбирают еду, не бьют, где он может спокойно читать и обсуждать прочитанное без страха быть осмеянным: «Хорошо было Сашке, будто все отошло и снова ребенок он; будто ждет – не дожидется, что мать его возьмет за руку и выведет; а там Надя смеяться будет: – Ф! Фи! Опять спал?.. И высунет язык» [Там же, с. 150].

Однако идиллический сюжет в финале повести превращается в трагический: один из жителей, Григорий, убивает мать из-за жадного желания продать корову, от туберкулеза умирает Федя, Нил Фомич собирается вместе с Сашкой эмигрировать и оставить это пространство, бывшее родным и любимым, но потерявшее свой положительный смысл.

Так, мысль о невозможности и неизбежном разрушении идиллии во всех ее вариантах в современной пореволюционной действительности проходит через всю повесть Яновского «Колесо». Повествование остается неоконченным. Мы не знаем дальнейшей судьбы Сашки – обретет ли он новый дом или погибнет.

В другом романе Яновского – «Портативное бессмертие» – идиллический вектор мышления разворачивается еще полнее и масштабнее. Это роман о попытке искусственно создать идиллию на земле.

В центре романа – эмигрант, остро ощущающий ущербность окружающего мира, сбившийся с истинного пути, потерявший смысл жизни, одинокий, брошенный в чужой стране, пытающийся найти пристанище среди «других», подсознательно понимающий невозможность осуществления своих мечтаний, но все же искренне верящий и надеющийся перестроить, переделать, изменить этот мир к лучшему.

Герой становится участником идеального содружества, полумонашеского ордена Верных во главе с Жаном Дутом, который изобретает особые омега-лучи, чтобы исцелить этот мир от зла, научить людей вновь любить ближнего и создать идеал всеобщего братства на земле. Идиллический сюжет в романе тесно переплетается с утопическими мечтами о всеобщем счастье, содержит большую долю научной фантастики, которая во многом пересекается с литературой того времени о переустройстве мира (Е. Замятин, Дж. Оруэлл).

«Портативное бессмертие» – роман последних довоенных лет, содержащий идеологические установки и философские концепции «эмигрантских сыновей», литераторов-монпарнасцев, увлеченных идеями философов-идеалистов Н. Ф. Федорова, Анри Бергсона, несмотря на то, что большинство современных критиков (Л. Ливак, Г. Н. Красавченко, М. Рубинс) сопоставляют этот роман с такими про-

изведениями, как «Путешествие на край ночи» Л.-Ф. Селина, «Тропик рака» Г. Миллера, «Распад атома» Г. Иванова, т. е. с «транснациональным литературным трендом 1920–1930-х годов» [Рубинс, 2012, с. 12].

Яновскому в романе свойственна амбивалентность мышления. С одной стороны, мечта об идиллическом обществе, счастье, а с другой – размышления о том, каким путем оно достигается.

Люди, «то ли неосторожно сунувшись под сноп Омега-лучей, то ли рикошетом пронзенные, – скоро оказались для нас потерянными. Начальным симптомом служил обычно чрезмерный, легкомысленный оптимизм. “Задетый” разбивал ставший вдруг лишним аппарат, снимал изоляционную ткань, умоляя последовать его примеру: пойти сейчас же и слиться в соборной радости, в одном порыве с небесным сердцем человека» [Яновский, 2000, т. 1, с. 222].

Мысль о возможном «спасении», обретении мнимого счастья была не просто соблазнительной, а становилась настоящим испытанием для участников кружка. В финале романа многие из них не захотели больше бороться и жить в этом страшном мире и поддались влиянию лучей. Утопические мечты о всеобщем исцелении тем не менее кажутся не великим счастьем, а чем-то угрожающим. Яновский вновь оставляет финал открытым, говоря, что сражение еще не окончено – грубая реальность одержала верх.

Еще одно произведение Яновского, о котором нельзя не сказать, анализируя утопически-идиллический модус мышления писателя, – роман «По ту сторону времени» («No man’s time»). Он был написан на русском языке, затем переведен на английский и опубликован в 1967 г. в Нью-Йорке.

Здесь Яновский, по сути, сталкивает два мира: мир городской, символизирующей узнаваемую действительность, и мир небольшого заповедного селения, которому придаются утопические черты. Главный герой – Корней Ямб – одинокий, бегущий от реальности к идиллии, пытающийся найти свое место в этих мирах, на протяжении всего романа живет воспоминаниями об умершей матери и сестре, надеясь обрести собственную семью и дом.

Корней оказывается в поселке, отделенном от остального мира окружающим лесом, оврагами, ущельями, реками и озерами. Яновский создает своеобразный проект идеального города, близкий по своему устройству античным образцам, где жизнь имеет четкую регламентированность и ритуализованность: «по утрам надо трудиться, изучать математику или теологию, а вечером, на досуге, за стаканом сидра, можно и пофилософствовать» [Яновский, 2000, т. 2, с. 23]. По воскресеньям все жители отправлялись в молитвенный дом славить Господа.

Несмотря на полную идилличность жизни в селении, Ямб пытается как можно быстрее его покинуть, считая, что в нем нет никакого развития: взгляды жителей, молитвы кажутся устаревшими или совершенно непонятными, а отсутствие в нем молодежи – верный знак скорого исчезновения. Корней подговаривает Янину и Бруно (жителей этого селения) бежать в Чикаго за новой лучшей жизнью. Побег удается. Янина и Конрад женятся, Бруно находит аудиторию, охотно слушающую его проповеди. Казалось бы, чем не идеальный мир? Но Яновский показывает, как пространство огромного города съедает неподготовленных жителей небольшого селения, что приводит к трагической гибели героев, а также гибели детей Янины и Конрада.

Автор бросает героя один на один с пространством города, где для него нет места. Идиллический мир разбивается о жестокую реальность. Потерянный, истерзанный, опустошенный, столкнувшийся с разочарованием в любви (образ Янины перестает быть для него столь желанным и притягательным в большом городе), Корней видит во сне «три пары любящих, понятливых и загадочных глаз. И он жадно смотрит в ответ, точно стараясь проникнуть через дымную завесу. Лица у родных милые, будничные, ясные, усталые, но глаза – неподвижные, ти-

хие, молчаливые, точно боящиеся поведать всю правду...» [Яновский, 2000, т. 2, с. 178]. Герой понимает, что «это глаза из селения» [Там же]. Неожиданным оказывается в финале романа решение Корнея вернуться обратно в поселок, где он изначально был принят за другого человека. И здесь мы чувствуем совершенно иную интонацию повествования: в сознании героя возникает некая идеализация этого мира, в котором он находит спасение. «Даже жители селения ему теперь представлялись милыми, добрыми, понятливыми, чуть ли не родственными существами. В самом деле, вернуться назад: там он себя чувствовал как дома!» [Там же, с. 179]. Яновский вновь уводит своего героя из мира реального в мир иллюзии, самообмана, помогая тем самым уставшему, одинокому, опустошенному Корнею подменить воспоминания о настоящей семье, члены которой давно погибли, семьей условной.

Роман «По ту сторону времени» имеет самое близкое к идиллии построение. Бегство героя от реальности и отчужденности в финале романа заканчивается успехом. Пусть и под другим именем, с другой биографией, но герой обретает дом, семью, друзей.

Таким образом, в каждом из упомянутых текстов (повесть «Колесо» (1930), романы «Портативное бессмертие» (1938–1939), «По ту сторону времени» (1967)) присутствуют черты идиллического сюжета, раскрывающиеся в воспоминаниях, утопических мечтах об идеальной семье, любви; причем идиллический сюжет всякий раз лишь оттеняет сюжет главный, отражающий реальное развитие героя. Идиллия оказывается в мире Яновского – грубом, жестком, циничном, физиологически зримом – нежизнеспособной. Однако Яновский постоянно возвращается к ней на протяжении всего творчества в разных проекциях, а значит, это важная величина в системе его ценностей и художественного миротворения, дающая представление о положительном модусе мышления писателя.

Список литературы

Рубинс М. О. «Сделать бывшее небывшим»: (анти)утопические романы Василия Яновского // Яновский В. С. Портативное бессмертие: Романы / Вступ. ст. и коммент. М. О. Рубинс. М.: Астрель, 2012.

Яновский В. С. Колесо. Париж; Берлин: Новые писатели, 1930. 163 с.

Яновский В. С. Собрание сочинений: В 2 т. М.: Гудьял-Пресс, 2000.

M. V. Kosheleva

The idyllic principle in the prose of V. S. Yanovsky

In V. S. Yanovsky's prose of Yanovsky the idyllic genre is not the major one, nevertheless, in his emigrant literature, often in naturalistic plots, physiological, rough, showing the low-lying parts of people's lives, one can see the features of the idyll related to the writer's reminiscences of the childhood, friends, the literary fraternity. Precisely this aspect of his prose is disclosed in this work, where a successive analysis is made of the following works by V. S. Yanovsky: the short novel «The Wheel», the novels «Portable immortality» and «On the other side of time» belonging to different stages of the writer's work.

Keywords: Yanovsky, emigration, young emigrants, prose, idyll, Wheel, Portable immortality, On the other side of time.